

Михаил КОЗАКОВ:

Я ДОЗРЕЛ ДО ДЕТЕЙ

Сегодня режиссеру «Безымянной звезды»
и «Покровских ворот» - 65 лет

В комнату вбежала девочка, черноглазая и улыбающаяся. Михаил Козаков нежно попытался убедить ее уйти:

- Зоя, я поработаю, а потом приду.
- А можно я с вами?
- Нет, Зоя, я потом.

На минуту Козаков покидает комнату, и Зоя подсакивает к диктофону:

- А можно я сейчас туда поговорю, а потом послушаю?

- Ну давай.

Диктофон включен, и четырехлетняя дочь Козакова дает интервью:

- Меня зовут Зоя. Я хожу в садик, и мне там нравится. Там хорошая воспитательница, она со мной играет. Мы ходим на улицу. Все.

- А про папу ничего не скажешь?

- Папа мой любимый, и всегда я его люблю и целую. И перебегаю. Мы спим с Мишей, но я перебегаю. Все. Спасибо.

Затем юное создание нетерпеливо ждет, пока отмотается пленка, слушает вой голос и умиротворяется. Козаков возвращается. Зоя прячется за угол, где ее и находит предельно серьезный папа:

- Все, Зоя, все.

Игра проиграна, Зоя с достоинством покидает помещение. Козаков закури-вает трубку.

- У меня что-то в последнее время ни одно интервью не получалось. Все жалуются, что плохо стал говорить.

- Вам наскучило?

- Так смысл? Получается, когда есть смысл. Предмет разговора. А когда... Ну что вы думаете об уходящем веке? Что вы думаете о нашем будущем? Что я могу думать? Думаю все то, что думаю все. Кто я такой? Гуру? Просто пожилой человек, который много видел. А живу я работой и домом. Это не так мало, это много.

РАБОТА

- Михаил Михайлович, у вас - антреприза, дело хлопотное. Почему вы, вернувшись из Израиля, не пошли в какой-нибудь столичный театр? Все же спокойнее...

- А куда идти? К Фоменко, которого я очень люблю? Там молодая труппа, старик не нужен. Марк Захаров? Там коробочка полна. Куда? И потом, тут я все-таки зарабатываю на жизнь семье, а в театре... Третья причина - мы уже полюбили наше дело. Нам не помогают ни спонсоры, ни правительство, а мы играем на Бродвее. В зале на полторы тысячи мест. Десять минут аплодисментов, снятых на пленку, - это не слабо. Или мы играем в Ижевске - полный зал, цветы.

- Когда-то вы писали, что в «Современнике» были спектакли, которые начинались с искренней веры в неоспоримость главной мысли пьесы, а потом вера уходила, и спектакль умирал...

- Да, были и такие спектакли, а было и наоборот.

- Сейчас же возникает ощущение, что вы сразу берете пьесу, в которую не нужно верить. Этаким изящным безделушкой.

- Можно, наверное, сказать и так. Да, это развлечение. Но никто никогда не отменял развлекающий театр. Была страшная история, когда прогремел уже второй взрыв и день траура, а нам играть комедию. Состояние было жуткое. Но арендовано помещение. Отменить аренду нельзя, люди купили билеты. И Аня (жена. - Прим. авт.) говорит: «Выйди перед представлением, скажи несколько слов». Я позвонил Шурке Ширвиндту, спросил, что делать. Он говорит: «Одно из двух - или отменяй, или - если они пришли - развлекай. Отвлекай, уводи, говори самой игрой, что жизнь есть жизнь». И мы сыграли, и зал та-ак аплодировал... Люди были благодарны, что мы их отвлекли, дали им кислород, хотя бы на два часа. Но если бы юмор был на уровне задницы, извините, ничего бы не вышло.

- Мне первая моя жена говорит: «Ты дозрел до детей». Конечно, в молодости это не так, в молодости самому хочется жить

- Когда-то Олби подарил вам экземпляр пьесы «Кто боится Вирджинии Вулф». Вам не хотелось бы сейчас ее поставить?

- Побавляюсь я таких пьес. Все же она для антрепризы тяжеловата.

- А современные русские пьесы вас не интересуют?

- Я не могу ничего найти. Почему я играю иностранные? Потому что это как бы не мы, как бы не с нами. Я не лгу тогда. Я играю в эту жизнь. А играть в нашу жизнь... Очень опасно. Потому что неправда сразу видна. А отечественных пьес без лжи я не вижу.

- Вы переиграли в «Гамлете» почти всех мужчин - от принца датского до тени отца - и как-то шутили, что в следующий раз будете играть череп Йорика. Рискнули бы поставить «Гамлета» и действительно сыграть череп?

- Нет, это все шутки. «Гамлета» я бы не рискнул ставить. Я видел таких гениальных «Гамлетов»! И Брука, и Любимова, и Некрошюса...

- А Штайна, в чьем «Гамлете» вы недавно играли, вы в этот ряд не ставите?

- Нет. Там были актеры прекрасные, но было скучно. Холодный был спектакль. Потому я из него и ушел.

- Вашу антрепризу почти не замечает критика. Это обидно?

- Главное, не трогают. Меня и не пинают, и не хвалят. Я в стороне, и меня это устраивает. Да и газеты-то мало кто читает. Вот недавно книга Анатолия Смелянского вышла, и он там пишет, что раньше в России как поэт был больше, чем поэт, так и театр был больше, чем театр. А теперь стал просто театр. Нам трудно смириться с этим. Так же и с критикой. Если раньше газетная статья в

«Правде» имела принципиальнейшее значение - от этого зависела судьба спектакля, то сегодня это все уходит. Сегодняшняя рецензия - всего лишь мнение одного человека.

- Все же есть работы, на которые даже самые резкие критики не замахиваются. Вот «Покровские ворота», например.

- Странная история произошла с «Покровскими воротами». Я и не предполагал, что это будет, как теперь говорят, культовый фильм. Понимаете, у меня нет никаких претензий я понимаю, что как режиссер ничего не открыл. Я не Додин, не Фоменко. У меня особых амбиций нет. «Покровские ворота» - наиболее шумная моя постановка, но я, честно говоря, вообще с трудом понимаю, где удачные, а где неудачные мои работы. Я долго не мог понять фразу Пастернака - «но поражение от победы ты сам не должен отличать». Как это не должен? Судись ведь всегда. Но потом я понял - да, не должен. Мне вот сейчас гораздо интереснее, как прозвучит мой фильм «Тень» (сегодня его можно увидеть на ОРТ. - Прим. авт.). Его очень редко показывают, а для меня он не менее дорог, чем «Покровские» или любая другая моя работа.

- Сейчас вы репетируете Шейлока в Театре Моссовета. Как-то трудно представить вас в этой роли.

- О-о... Это очень трудно: сыграть, как ненависть рождает ненависть. Но там ведь не только ненависть. Шейлок еще чадолюбив и остроумен. И я могу в нем узнать себя. Он нетерпим, и я это очень хорошо понимаю: когда я был моложе, я был более нетерпимым и несдержанным.

- Но и в «Актерской книге», написанной вами не так давно, вы очень нетерпимы и жестки по отношению к своим коллегам.

- Да. Но и к себе я жесткий.

- И что вас не устраивает в себе?

- Себя ведь ненавидеть нельзя. Себя жалеешь. Но себе и нравиться очень трудно. От себя устаешь гораздо больше, чем от всех остальных.

ПОЛИТИКА

- Михаил Михайлович, когда по телефону мы договаривались об интервью, вы смотрели Доренко. Вам это было интересно с режиссерской точки зрения? Такой спектакль...

- Да, чистой воды шоу. И они не радуют меня, эти шоу. Мы же теряемся перед телевизором. Я лично теряюсь. Забавно, конечно, сперва, но потом остается осадок страха. Ощущение, что все каноны, все правила поведения рушатся. На кого опереться? А я, как пожилой отец маленьких детей, хочу знать, как они будут жить после меня. Я запутан, а мне предлагают прийти, допустим, на «Тему» и выступить. Я чистой воды обыватель в этом смысле слова. Мещанин. Средний класс. Я смотрю телевизор и мучительно пытаюсь понять: война каналов, война олигархов, партий... Я так же растерян, как и большинство граждан нашей страны. И я не знаю, за кого мне голосовать, я только знаю, за кого не хочу голосовать - я их по телевизору вижу.

- Перед выборами политики пытаются обласкать людей искусства. Вас кто-нибудь пробовал пригреть?

- Я хочу заниматься своим делом. Что такое принять участие во всем этом, в политике? Это соблазн. Я пытаюсь быть независимым. Независимость... Как



Михаил Козаков в Школе-студии МХАТ.

СПРАВКА «КП»

Михаил Михайлович Козаков окончил Школу-студию МХАТ. Играл в Театре Маяковского, в «Современнике», во МХАТе. Стал известен всей стране после роли в фильме «Убийство на улице Данте». Поставил такие картины, как «Безымянная звезда», «Покровские ворота», «Визит дамы», «Тень».

Пушкин говорил, словечко ерундовое, но уж больно сама вещь хороша. Не в стае быть и не в конфронтации, а независимым.

ДОМ

- Вы сказали, что живете работой и домом, семьей. У вас пятеро детей. А сколько внуков?

- Внуков у меня много - тоже пять. Но у меня нет с ними тесных отношений. Я замкнут на своих маленьких детях. Это ведь особое чувство, когда в такие годы у тебя рождаются дети. Мишке - десять, Зойке - четыре, и я понимаю, что счетчик-то считает. И я очень люблю, и очень грущу. И говорю иногда Зойке: «Невестой-то тебя я не увижу...» И ты так ценишь каждый день, и нужно заниматься делом, а она говорит: «Пап, я хочу быть с тобой», - и она права. И он прав - Мишка. Я, конечно, сейчас больше, чем раньше, с детьми занимаюсь. Мне первая моя жена говорит: «Ты дозрел до детей». Конечно, в молодости это не так, в молодости самому хочется жить.

- Как будете юбилей отмечать?

- Собственно, в день рождения я буду на телевидении, снимать спектакль «Возможная встреча». А через неделю, двадцать первого, буду читать Бродского в Доме художника. Вот соберу всех детей, Манана придет - у меня же есть еще дочь Манана в Тбилиси, она актриса. Катя придет, Кирилл. Прочту любимую программу с моим любимым партнером, саксофонистом Бутманом, а потом водочку поставлю. И никаких чествований. Все это слова: от того, что кто-то объявит тебя великим актером или орден даст, ничего не изменится. Вот действительно приятно тогда, когда подходят к тебе на улице или в метро и улыбаются.

- Простите, неужели вы ездите в метро?

- У жены есть машина, она по делу ездит, а я очень люблю метро. И если рожу свою специально не слишком показывать, то никто на тебя и внимания не обращает - едешь себе и едешь. И вот увидел тебя кто-то, улыбнулся, раскланялся, и в эти секунды ты понимаешь, что если на одной чаше весов - ордена, а на другой - отношение к тебе публики, коллег, то вторая чаша перевешивает.

Беседовала Валентина ЛЬВОВА.

Фото из семейного архива и «Актерской книги» М. Козакова.



Михаил Козаков с младшей дочерью Зоей и женой Аней.

Козаков Михаил Михайлович

14.10.99